

Ги Девенпорт

FREISCHÜTZ *) Рэг РICHARD NIXON

Пер. с англ. Михаила Иосселяя

* "Вольнострельковый, свободоохранительный" (нем.).

На Великой В Десять Тысяч Ли Длинной Стene, начатой во время войны Весны и Осени и не позволившей располагавшимся лагерям ~~да-~~
~~двинуть~~ все ближе, все грознее к границам царства Янь ордам монголов в набеге осквернить мощные улицы Цветущей Поднебесной Империи, Ричард Никсон сказал:

— Следует, полагаю, сделать вывод, что это—таки великая стена, безусловно.

Будучи приглашен маршалом Е-Чжэнь-инем пройти в сторожевую башню на валу, он сказал:

— Сегодня мы, полагаю, не станем на самый верх забираться.

В лимузине, возвращаясь в Запретный Город, он сказал:

— Стоит пролететь шестнадцать тысяч миль, чтобы посмотреть на Стену.

Скорбно озирая гробницы императоров династии Мин, он сказал:

— И ради этого тоже стоит.

— Председатель Мао говорит, — вмешался маршал Е, — что прошлое прошло.

Переводчица споткнулась на не имеющем в английском языке эквивалентной прямой точности высказывания Председателя.

— Как, совсем прошло? — спросил Ричард Никсон.

— У нас есть стихотворение, — сказал маршал Е, — я читал.

Ветер с запада резок,
Высоко в низком небе
Кричат дикие гуси,
Призываю луну рассвета,
Холодного рассвета,
Белого от тумана,
Когда лошади ржут,
Зовет горн.

Не бахвалься после
Трудного перехода,
Который был как железо
Под нашими башмаками.

На высокой горной вершине
Видим внизу холмы,
А рядом -
Красное солнце.

Ричард Никсон напряженно склонился, ухмыляясь от напряжения, к переводчице, товаришу Тан-Вен-шэн, изучившей и отточившей английский в Бруклине, где она родилась.

- А что, хорошие стихи, - сказал Ричард Никсон.
- Стихотворение Председателя Мао, - сообщил маршал Е.
- Он это написал? - изумился Ричард Никсон. - Сам? Сам придумал?

- На трудном переходе через вершину горы Лю, - сказал маршал Е, - Долгий марш. Февраль 1935-го.

- Надо же! - сказал Ричард Никсон. - Как интересно! Действительно, действительно интересно.

Лимузин прощуршил мимо высоких наклонных стен Запретного Города, на которых плакаты, каждый размером с теннисный корт, возвещали нечто Никсону непонятное. Они, плакат за плакатом, мимо которых перемещался лимузин, возвещали: СЕЙ ЗЛОВНУЮ СМУТУ, ТЕРИИ ПРОВАЛ. СНОВА СЕЙ ЗЛОВНУЮ СМУТУ, СНОВА ТЕРИИ ПРОВАЛ. ИМПРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАКЦИОНЕР, СЕЙ ЗЛОВНУЮ СМУТУ И ТЕРИИ ПРОВАЛ, ПОКА НЕ САМОУНИЧТОЖИШСЯ, МЫСЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАО.

Лимузин остановился у Дворца Дракона. Ричард Никсон вышел из лимузина. Стража из рядов Героической Народной Добровольческой Армии застыла возле. Четыре гигантских портрета на внутренней стороне стены привлекли внимание Никсона.

- Это Маркс, - сказал он, указывая на один.
- Маркс, - подтвердил маршал Е.
- А это Энгельс.
- Энгельс.
- А это Ленин, а это Сталин.
- Совершенно верно, - сказал маршал Е.

Ричард Никсон возвратился ко второму портрету, указывая на него рукой в перчатке:

- Это Энгельс?
- Энгельс, - сказал маршал Е с обеспокоенным, избыточно вежливым выражением на лице.
- У нас, в Америке, не так уж много портретов Энгельса, - объяснил свой интерес Ричард Никсон.

Тосканелли, этот старик, отправился к японским берегам и Китая, двинувшись на запад из Португалии, генуэзец Коломбо, говорили в Уффици, вернулся, стремительно перерезав Атлантику. И на рече *degantissima*¹! — сказал бы Бенедетто Арифметик. — Аристотелианцы, *di quale se fanno beffa*², будут скандализированы. Платоники взметнут хитонами, ледяня воздух дыханием ноздрей надменно вздернутых носов. *È una stella il mundo*³! Но, воистину, луноподобен мир, округли, как арбуз, туг и зелен. О, он, казалось, видел эти *cazzelle*⁴, разбивающие соленные свирепые волны, ужасающую пустыню воды, бесконечное одиночество усталого глаза, покуда фантастические птицы побережья Чилонго не заплещутся, крича, высоко над их парусами, покуда красная черепица и бамбуковые *regole*⁵ монгольских городов не очертятся отчетливо на языках скалистых выступов и мысов. А в глубине загадочной земли — дороги, ведущие в Самарканд, Индию, Персию, Унгарию, Гельвецию, и дальше, дальше, — в Тоскану.

Так замкнулся путь волхвов на земле, пришло в голову Леонардо, и он поставил на стол ведерко с травами, которые Салаи принес ему из Фьеозоле. Астрологи, они пришли с Востока, и паруса Коломбо в этот век символов, когда все на земле живущее обязано громко заявить о своей принадлежности Богу или Исламу, следовало бы украсить крестом, который, как ни сумели понять мидийские мудрецы, будет вечно, до конца времен, иероглифом младенца, перед которым они сложили свои дары в темноте яслей. Мир был выткан пророчеством, ярким светом.

Полевые травы из Фьеозоле, двадцатигранник, зубья щестерни, седла, гипс, карты, лотни, тесло, магический квадрат, пятна краски, романский бост, подаренный нашедшими его в раскопках Брунеллески и Донателло, остов птицы — сколь великолепно тосканский свет каждым утром вновь дарил ему его, столь привычные, вещи, — даже если снова снился ночью воздушный змей.

Мгновения, часы, дни. Сделал ли человек что-либо на земле вообще?

Старая служанка внесла вино и хлеб, лук. Он и Тосканелли, пифагорейцы, не ели мяса.

¹ элегантнейшее доказательство (итал.).

² над которым насмехаются (итал.).

³ мир — это звезда! (итал.).

⁴ каравеллы (итал.).

⁵ навесы (итал.).

Машинка стояла у рабочего стола, прилоненная к нему, *due rotte*¹, необъяснимо неистового вида. Яростных очертаний. Сакканоне, кузнец начал выковывать цепь, которая соединит два *rotte dentate*². Нажимаешь ей ступнями на педали, педали поворачивают большие зубчатые колеса, которые, зуб за зубом, вперед тянет цепь, заставляя меньшее колесо поворачивать заднее *rotta*³, тем самым продвигая вперед всю машину. И, пока машина в движении, наездник ловко и изящно балансирует. Движение вперед отнимает возможность упасть вправо или влево, — так течение реки не дает лодке рисковать по сторонам.

О, если бы он только знал языки! Он стал бы, как это делал Аристотель, называть свои машины древними именами. Он назвал машину птицей, *Puccelo*. Бенедетто сказал, что древние греки называли бы ее *ognitoro*⁴, — крыльями птицы.

Свет изыскано и точно, — себя самого, *atomo per atomo*⁴, зеркало, свет, перемещающийся от обрывочности материи к вязкой мягкости глаза, струился из высоких окон и падал на двухколесную балансирующую машину. Наездник твердыми руками возмется за рога вилки, в которой укреплено переднее колесо, и станет управлять своим путем с обостренной, неспешной тщательностью. Вдруг ему увиделись войска Сфорцы, устремляющиеся в битву на его машинах, фаланги *due rotte*, ощетинившиеся копьями на всем ходу машин.

O coraggiosi, O! бил барабан, *tanbureggiandi le bacchette* *delli tamburi di bataglia*⁵.

Плут Салаи впрыгнул в комнату.

— Мастро! — выдохнул он. — Вы сделали ее!

Леонардо обнял смуглого юношу, встряхнул его, и протанцевал скользящим легким шагом шутливую сарабанду.

— *Sì, Cupidello mio, tutti sennonche mancha la catena*⁶. Не хватает только цепи.

— И я смогу на ней ездить, кататься на ней? Как всадник?

— Как ветер, как ангел Иезекииля, как колесница Анконы.

Салаи высвободился из-под его руки и присел на корточки перед странной машиной, коснулся пальцами педалей, проволочных спиц, сиденья, зубчатых колес, которые плотно обовьют цепь, *i vinci*⁷.

¹ двухколесная (итал.).

² зубчатые колеса (итал.).

³ колесо (итал.).

⁴ атом за атомом (итал.).

⁵ Вперед, о храбрейшие, О!.. барабанщики бьют в барабаны битвы (итал.).

⁶ Да, мой купидончик, все сделано, кроме цепи (итал.).
и победит (итал.).

- Сото Leonе^I!

Он повернулся к ведерку цветов и трав, потянулся за серебряным карандашом. Бриллианты и зонтики, хрупкие как лапки паука! А в тонких зеленых венах бежали волоски воды, и по волоскам воды бежал свет, в стебель, вниз, в темноту. Свет дальних звезд плыл через длинные листья. Он видел этих листьев отпечатки в потоках рек, с гор сбегающих, и видел отпечатки морских раковин в отпечатках листьев.

- Маэстро, - сказал Салаи, - когда будет готова цепь?

- Цепь? - переспросил Леонардо. - Какая цепь?

Он взял в левую руку серебристый ручеек трав. Красоту взял он в руку, совершенство, нежные листья, сквозь которые шла вся мощь Господа, и когда майский светлячок загорается на зеленой арке травы, - и великоление этого соединения великолепнее, нежели касание руки Сан-Габриеле великого купола великого византийского собора, - загорается, замыкая распластанные серебряные четыре перевитых крыла вокруг золотого стержня своей высоты...

- Цепь, - сказал Салаи. - Цепь!

Что знает о мире человек на земле?..

Перед прибытием в Китай Ричард Никсон отдал распоряжение о бомбардировке тысячи объектов в Лаосе и Камбодже эскадрильями В-52. Послал одну тысячу, одну сотню и двадцать пять эскадрилий бомбардировщиков урезонивать северовьетнамцев с их винтовками дальнего боя вдоль границы демилитаризованной зоны. Ричард Никсон был доволен результатами бомбардировки, зная, что Председатель Мао будет впечатлен ее мощью. Доктор Киссинджер порекомендовал ему одну тысячу, одну сотню и двадцать пять эскадрилий как нечто способное впечатлить Председателя Мао. Бомбы падали густо, словно град в грозу, когда Ричард Никсон, ухмыляясь, ступил на землю Китая. Оркестр играл "Марш Добровольцев". Премьер Чжоу Эн-лай не сделал шага навстречу. Ричарду Никсону пришлось самому сделать шаг в направлении ухмыляющегося премьера. Они обменялись рукопожатием.

- Мы летели через Гуам, - сказал Ричард Никсон, - Так надежней и комортабельней.

- И как полет? - спросил премьер Чжоу.

^I как лев (итал.).

— Уж вам бы следовало знать, — сказал Ричард Никсон. — Вы же такой путешественник.

Ричард Никсон подкатил в лимузине ко входу Тао Ю Тай за пределами Запретного Города. Едва он переступил порог своей комнаты, телефон на столике зазвонил.

— Кто это может мне звонить в Китае? — спросил Никсон.

Доктор Киссинджер снял трубку.

— Да? — сказал он.

— Превосходительство Киссинджер? — спросил голос. — Вы здесь?

— Мы здесь, — сказал Киссинджер.

— Его Превосходительство президент Никсон здесь?

— Рядом, — сказал доктор Киссинджер, расщуривая ботинки.

— Не могло бы Его Превосходительство Никсон взять трубку?

— Разумеется, — сказал доктор Киссинджер. — Тебя, Дик.

Ричард Никсон взял трубку, поднес ее к уху и посмотрел на потолок, на котором алые драконы проплывали сквозь перламутровые облака.

— Никсон слушает, — сказал он.

— Превосходительство Президент Никсон?

— Именно, — сказал Ричард Никсон. — С кем имею честь и удовольствие разговаривать?

— Вы сейчас будете разговаривать с товарищем секретарем Ваном.

Другой голос возник в трубке. Он сказал:

— Председатель Мао приглашает сейчас вас на визит.

— Как, прямо сейчас? — спросил Никсон. — Мы только что с самолета. Мы летели через Гуам.

— Сейчас, — сказал голос. — На визит. Да?

— О'кей, — сказал Ричард Никсон. — Договорились. Вы нас подбросите?

На другом конце повесили трубку.

— Сукин сын, — сказал Ричард Никсон.

Доктор Киссинджер раскачивался на каблуках и во весь рот улыбался.

Розы, пуговицы, наперсточки, кружева. Трава растет меж камней дороги. Цветы в траве, и на ее платье тоже цветы. И пуговицы на ее платье, и кружева на вороте платья, и на манжетах, и на по-

доле. И пуговицы на башмаках. В Люксембургском саду - на ней шаль из Сеговии, и Пабло говорит, что она похожа на испанскую женщину испанских мастеров старой школы, суровую, изысканную, но и нежную, а я говорю, что она похожа на офицера юнионистской армии. Мы поем "След Однокой Сосны" под ее аккомпанемент на пианино, иногда сбиваясь на "Ночной марш сквозь Джорджи" и "Регтайм Бэнд Александра". У нее шумпеллиевский нос и руки испанской святой.

Во Франции на ней желтая шляпа, в Италии - панама на ней. Алиса, говорю я, Ассизи, трава Ассизи и листья Сассетта. Мы медленно идем по камням, слыша звон колокола, собирающего на молитву послушниц и учениц монастырской школы. Здесь так спокойно, - говорит она, и она сама говоря, что здесь так спокойно, - о, так она спокойна сама. Испания, - говорю я, - это натюрморт, лишь одна Италия на свете - пейзаж. Птицы, - говорит она. Святой Франциск, - говорю я. Птицы страдают своими маленькими страданиями, каждая - в жизни раз, и они забывают свои страдания, отстрадав. Мы же - не забываем, помним свои страдания. Не говори о прошлом, - говорит она. Прошлого больше нет, ни прошлого, ни будущего нет, есть - сейчас. Как же, - говорю я, - мне быть, если слышатся, как сейчас мне слышатся, горы, и видны пурпурные флаги вдалеке? И мне слышатся и видны, и мне всегда и слышатся, и видны. Офицеры в седлах, и боевые знамена с викторианской вязью и выцветшими красными номерами на них в голову колонны передаются. С мужчинами всегда так. Так было под Аустерлицем, под Севастополем. Генералы привстают на стременах, слушая оркестра рев и пронзительные крики сержантов. Величие. Слава. Когда Лео вышел, мы загалопировали по комнате, цокая языками, и резвый Рекс закружился по комнате вместе с нами. Я была генералом, Алиса офицером, Рекс лошадью, а все вместе в комнате мы были - Наполеон. Малышками мы были, танцевавшими кейк-уок перед смеющимися взрослыми субботним вечером в Алабаме, широким Барнума и Бейли мы были, мы были Гигантской Крысой С Острова Суматра, мы готовились к гастролям в Шантильи, предполагали наесться там мороженого и нарядиться в пышные кружева.

Здесь спокойно, - говорит она, и я говорю, - Алиса, Алиса, посмотри на цветы. Да, - говорит она. - Да, - говорю я. Не чересчур, конечно, изыскано, - перебрасываться бесконечными да, когда

хочется сказать совсем иное, и она укрылась за кустом, и юбка расстегнула кофточку и корсет, и без стыда переступила через вилюю горку ткани, которую они образовали, упав на траву вокруг нее на пуговицах башмачков, и я сказал Да, здесь еще видны следы шагов святого Франциска, Алиса, понимаешь ли ты, что причина, по которой мы здесь, в Ассизи, в том, что ты из Сан-Франциско, а это — родной город святого Франциска, Алиса, и она говорит, я заверну все это в шаль, и как ты думаешь, нас может кто-нибудь здесь увидеть?

Мох, голуби, красная черепица. Мы пьем вино под деревьями, хотя сейчас и слишком жарко для вина. Вот, — говорю я, — мы и здесь. Да, — говорит она, — вот мы и здесь, и ее глаза мерцают, и у нее улыбка того вного офицера, что будучи вызван в штаб, лице зреет генерала Гранта, и хочет угодить ему, и ему нравится нравиться, и он чрезвычайно благовоспитан.

Это не Фуке, — говорю я. — Безусловно, не Фуке, — говорит она. Я касаюсь ее ноги своей ногой, она касается моей ноги своей ногой. Кузнецики поют в траве, утонченные, как Стравинский.

Если Испания — натюрморт, то что же тогда — Италия? Они приходили сюда, — говорю я, — мудрые старые поэты, потому что только здесь у женщин такие глаза. Такие. Да уж не за тем, я полагаю, чтобы полюбоваться здешними кошками, — говорит Алиса. Не потому. Нет, — говорю я, — конечно уж, не за этим. Генри Джеймс приходил сюда за оттенками. Уильям мог много раз приходить сюда и ни разу не различить оттенков. Уильям, если он и приходил сюда, приходил сюда за пропорциями, и не смотрел на здешних кошек, не любовался. Мимо прогромыхивает телега с принцессой, и Генри видит принцессу, а Уильям смотрит на колесо телеги, в какой изумительной находится оно пропорции к телу и языку.

Когда ты говоришь, — говорит она, — я вся дрожу, всё во мне дрожит, все внутри. Когда ты улыбаешься, — говорю я, — я в отчаяниикусаю персик, и Казальс играет Корелли, и моя душа — зяблик в ветвях вишневых. Давай вечно улыбаться и говорить. Это и есть вечно, — говорит Алиса, — сейчас и здесь. Здесь так спокойно. Посмотри на эту пыль, — говорю я. Смогла бы ты пройти по ней босиком? Еще стакан вина, и я смогу перелететь через эту колокольню, — говорит она, без труда. А было ли у тебя в Сан-Франциско, Алиса, красного дерева пианино? — спрашиваю я. Да, и на нем бост Листа, — говорит она, — и в вазочке букетик маргариток.

Посмотри на эти цвета, и ты увидишь, почему Сассетта был Сассеттой. Ведь мы еще поедем в Англию, — спрашивает она, — и снова будем прятаться в темноте соборов, правда? Посмотри на этих холмы, и ты поймешь, почему святой Франциск был святым Франциском.

Эти розы, — говорит она, — очень стары. Это Овидиевы розы, — говорю я. Единственные истинно красные розы. Если бы я знала, как на латыни "красная", я сказала бы, как на латыни роза, — о, я сказала бы, как на латыни единственная истинно красная в древних розах, — я сказала бы. Будь я Овидием, я подарила бы тебе розу и сказала бы, что эта роза подарок твоим глазам. Я приняла бы ее, — говорит она. Я рада этому, — говорю я, касаясь ее ноги своей ногой. Роза Сассетты, роза Пабло. Мадам Матисс — горчичный цветок, горечавка, говорит она, касаясь моей ноги своей ногой. Все женщины — цветы, не правда ли? Все девушки, — не так ли? — цветы. Анри Руссо был женат на подсолнухе, Сезанн — на грушевом дереве. Алиса, — говорю я. Да, генерал Грант, — говорит она. Малышка, — говорю я. Август Цезарь, — говорит она. Видишь те сосны, там, те, похожие на Уильяма Мак-Кинли, обращающегося к республиканцам? Тебе не следует упоминать имя Мак-Кинли в присутствии Пабло, — говорит она, — Пабло считает, что Мак-Кинли попрал достоинство Испании. Он-таки попрал, — говорю я, — это вполне в американском духе. Но сосны, Алиса, сосны. Я вижу их, — говорит она, у них тяжелая жизнь. Видишь ли ты, — говорю я, — медленное падение медных игл к их корням, знаешь ли смолы запах, и запах шипы, и запах старой земли, который мы могли бы ощутить, туда взобрались? Дрожь, — говорит она. Началась опять. А теперь взгляни на валуны, на кубистические скалы, от сосен вниз по холмам, и на красную черепицу крыши, и на цыплят во дворе вниау, на корзины. Я все это вижу, — говорит она. И, увидев это, Алиса? — спрашиваю я. Ничего. Это для того, чтобы видеть, — говорит она. Это ответ, — говорю я. Но также и вопрос.

Мао сидел в красном кресле и выглядел умиротворенным и добродушным. Ричард Никсон в своем кресле утонул, его локти вздернулись до ушей. Он ослепительно улыбался. Он не замечал пачек журналов, полок, набитых книгами, стопок бумаги, кисточек для письма в горшочках с тушью. Он ослепительно улыбался Мао и доктору Киссенджеру, которого Мао назвал Меттерником современности. Репортеры незамедлительно записали.

Тесная комната была темна. Тот свет, что проникал в нее, струился из высоких окон, открывавших вид на двор, скучный, как игровая площадка в начальной школе. Переводчица сказала Никсону, что председатель Мао спросил его насчет гегемонии.

- Мы за нее, - сказал Ричард Никсон.
- Ваши помощники очень молоды, - сказал Председатель Мао.
- Да? - спросил Ричард Никсон.
- Здесь нам есть чему у вас поучиться, - сказал Председатель Мао.
- У нас в правительстве старики.

Ричард Никсон задумался, что ответить.

- Старики, - сказал Председатель Мао, - но все-таки еще здесь, еще здесь.
- Мир смотрит на нас, - сказал Ричард Никсон.
- Вы имеете в виду Тайвань, - сказал Председатель Мао.
- Нет, - сказал Ричард Никсон, ослепительно удыбаясь, - весь мир, целый мир. Он сейчас прильнул к телевизорам.

Председатель Мао ухмыльнулся и откинулся на спинку удобного кресла.

- Ну да, - сказал он. - Мир.